

**ЧЕРЕЗ «НОВЫЙ ГРАД» И «ВЕХИ»:
ВЛАДИМИР ВАРШАВСКИЙ ОБ АЛЕКСАНДРЕ СОЛЖЕНИЦЫНЕ**

Статья посвящена истории участия эмигрантского писателя Владимира Варшавского в полемике вокруг известных публицистических манифестов Александра Солженицына, в том числе «Письма вождям Советского Союза» и сборника «Из-под глыб», опубликованных в 1974 г. в парижском издательстве YMCA-Press. В статье рассматривается значительное влияние идеологии журнала «Новый Град» на восприятие Варшавским солженицынской публицистики. Новоградский дискурс помог Варшавскому занять самостоятельную позицию по отношению к многолетней острой полемике, развернувшейся в 1970-е гг. между Андреем Сахаровым и Александром Солженицыным. На многие вопросы, поднятые в этом споре, Варшавский смотрел сквозь призму новоградского метода, т. е. глубинного «синтеза» (или «конвергенции»), его участие в дискуссии интересно попыткой вскрыть истоки антиномии и выйти за ее пределы. В основе полемики Варшавский видел извечный водораздел русской национальной идеи: западничество и славянофильство. Особую роль связующего звена между идеями Солженицына и поздней публицистикой Варшавского сыграл дореволюционный сборник «Вехи» (1909), преемниками которого стали в эмиграции многие авторы журнала «Новый Град», а в Советском Союзе — участники сборника «Из-под глыб». Это глубинное влияние веховской традиции самоосмысления русской интеллигенции сыграло немалую роль в сближении взглядов Варшавского на родословную большевизма со взглядами Александра Солженицына. Последняя книга Владимира Варшавского «Родословная большевизма» (1982) имеет сложный генезис, в котором переплетается его фундаментальный довоенный новоградский опыт и самый живой отклик на злободневный спор о будущем России, развернувшийся между А. Д. Сахаровым и А. И. Солженицыным.

К л ю ч е в ы е с л о в а: русское зарубежье; самиздат; В. С. Варшавский; А. И. Солженицын; «Новый Град»; «Вехи»; «Из-под глыб»; неизвестные архивные материалы.

Ц и т и р о в а н и е: *Васильева М. А.* Через «Новый Град» и «Вехи»: Владимир Варшавский об Александре Солженицыне // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2 : Гуманитар. науки. 2019. Т. 21. № 1 (184). С. 100–114.

Поступила в редакцию 16.12.2018
Принята к печати 26.01.2019

Maria A. Vasilyeva

Aleksandr Solzhenitsyn House of Russia Abroad
Moscow, Russia**THROUGH THE NOVY GRAD AND VEKHI:
VLADIMIR VARSHAVSKY ON ALEKSANDR SOLZHENITSYN**

This article considers the participation of Vladimir Varshavsky, an émigré writer, in the discussion around Aleksandr Solzhenitsyn's famous journalistic manifestos, i.e. *Letters to the Soviet Leaders* and *From under the Rubble* collection published in 1974 by Paris publishing house YMCA-Press. The article focuses on the considerable influence the ideology of the *Novy Grad* journal had on Varshavsky's perception of Solzhenitsyn's journalistic works. The discourse of *Novy Grad* helped Varshavsky occupy an independent position regarding the long-lasting harsh debate between Andrey Sakharov and Aleksandr Solzhenitsyn which took place in the 1970s. Varshavsky considered many of the issues of the argument through the prism of the *Novy Grad* method, i.e. deep synthesis (or convergence), and his participation in the discussion is interesting from the point of view of his attempt to uncover the origins of the antinomy and go beyond it. Varshavsky saw the reasons for the conflict in the traditional watershed of the Russian national idea, i.e. Westernism and Slavophilism. The prerevolutionary collection *Vekhi* (1909) played a special role of a link between the ideas of Solzhenitsyn and later works of Varshavsky which were succeeded by many émigré authors of the *Novy Grad* journal and participants of *From under the Rubble* in the Soviet Union. This deep influence of the *Vekhi* tradition of self-reflection of the Russian intelligentsia played a considerable role in the approximation of Varshavsky's views on the development of Bolshevism and Aleksandr Solzhenitsyn's standpoint. Varshavsky's last book *The Genealogy of Bolshevism* (1982) is characterised by a complex genesis combining his fundamental prewar experience at *Novy Grad* and response to the topical argument about the future of Russia between Sakharov and Solzhenitsyn.

Key words: Russian abroad; samizdat; V. S. Varshavsky; A. I. Solzhenitsyn; *Novy Grad*; *Vekhi*; *From under the Rubble*; unknown archival materials.

Citation: Vasilyeva, M. A. (2019). Cherez "Novyi Grad" i "Vekhi": Vladimir Varshavsky ob Aleksandre Solzhenitsyne [Through the *Novy Grad* and *Vekhi*: Vladimir Varshavsky on Aleksandr Solzhenitsyn]. *Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2: Humanities and Arts*, 21, 1 (184), 100–114.

Submitted on 16 December, 2018

Accepted on 26 January, 2019

В архиве Дома русского зарубежья в фонде писателя Владимира Сергеевича Варшавского (1906–1978) среди разрозненных заметок разных лет отложился листок с машинописным текстом: «Посередине века моя жизнь изменилась. Всё то доброе, что я искал в жизни, я нашел в моей жене¹. <...> В ней был тот источник

¹ Татьяна Георгиевна Варшавская (урожд. Дерюгина; 1923–2019).

добра и любви, который, несмотря на всю мою рассеянность, малодушие и эгоизм, я искал в жизни. Это изменило мою жизнь. <...> Появление А. И.² Россия. Мне ничего не открылось, как Фроссару, но я даже не жалел об этом. Это должно было случиться со всеми людьми на земле, в истории. Мне было утешение...» [ДРЗ, ф. 291]. Листок не датирован, и его содержание можно отнести в равной степени и к 1960-м, и к 1970-м гг. Ссылка на Андре Фроссара³ показательна, в случае с Варшавским «утешение» — это не мгновенное прозрение и не дарование свыше, а долгий и трудный, если не сказать — горький путь познания через личный опыт. Это растянувшаяся на долгие годы попытка исправить (прежде всего внутри себя) асимметрию, которую привнес в историю и в отдельного человека катастрофический XX век. В своей личной «творческой эволюции» писатель определяет три точки опоры: семья, Россия и новое слово Александра Солженицына — некое восстановление равновесия и в своей жизни, и в мире. Приведенного отрывка достаточно, чтобы понять, какое место занимало творчество Солженицына в судьбе русского эмигранта Владимира Варшавского.

Варшавский хорошо знал автора «Архипелага ГУЛаг» и даже присутствовал в декабре 1974 г. на церемонии вручения Нобелевской премии. Между тем заочную и личную историю отношений двух писателей трудно назвать ровной. В лице Варшавского Солженицын нашел не апологета, а вдумчивого полемиста. В основе этого диалога — два взгляда на историю развития России, сформированных независимо друг от друга (в русском зарубежье и в Советском Союзе), и в то же время имеющих глубокие корни в русской философской традиции.

Владимир Варшавский — представитель так называемого «незамеченного поколения» пореволюционной эмиграции, а также автор термина и одноименной книги «Незамеченное поколение» (Нью-Йорк : Изд-во им. Чехова, 1956). Он же одним из первых выделил младоэмиграцию как отдельный поколенческий феномен, размежевав пореволюционных писателей на *эмигрировавших* и *эмигрантских* [Варшавский, 2016, с. 343]⁴. Эмигрировавшие — это старшие представители «первой волны» с контурно очерченной системой ценностей и весомым прошлым на своей исторической родине; эмигрантские — это младшее поколение, те, кто покинул Россию подростками или детьми, — становиться иностранцами они не желали, но, в отличие от старших, не имели даже иллюзорной точки опоры, это было поколение, которому приходилось всё начинать с чистого листа. С одной стороны, аналогов в российской истории у незамеченного поколения не было, — оказавшись в историческом промежутке между революцией и войной, оно было «атипичным» явлением и для России, и для

² Имеется в виду Александр Исаевич Солженицын.

³ Андре Фроссар (André Frossard; 1915–1995), французский журналист, писатель и философ. Вырос в атеистической семье, однако в возрасте 20 лет его посетило озарение, приведшее к вере. Свой духовный опыт философ описал в ряде сочинений, в том числе в книге «Бог существует, и я его встретил» [Frossard].

⁴ Об этом Варшавский пишет в статье «О “герое” эмигрантской молодой литературы» (1932); той же проблеме он посвящает эссе «Несколько рассуждений об Андрэ Жиде и эмигрантском молодом человеке» (1930/1931), «О прозе “младших” эмигрантских писателей» (1936).

Запада — и довольно быстро распылено агрессивным временем⁵. С другой — это недолговечное поколение кардинально изменило и русский, и европейский ментальный ландшафт. Заслуга Варшавского в том, что он предметно исследовал «состав» сознания молодого эмигрантского человека» [Варшавский, 2016, с. 343], вывел его архетип, определил новую парадигму в истории идей.

Сублимированно определение *эмигрантский* означает для Варшавского полную выброшенность из социума («в социальном смысле он находится в пустоте, нигде и ни в каком времени» [Там же, с. 342]), в его повестях, эссе и статьях неоднократно встречаются словосочетания «эмигрантская затравленность», «эмигрантская отверженность», «эмигрантские горемыки» и т. д. Между тем социально-психологический тип «человека, устранившегося из истории и выброшенного из движения социальной жизни» [Там же, с. 343], писатель значительно усложняет метафизикой «внутреннего человека», который благодаря эмигрантской отверженности заново познает «я» своего настоящего существа» [Там же, с. 354]. «И вот, выброшенный из жизни других людей, герой эмигрантской литературы, которого окружающие люди ничем не ценят и не меряют, который (в социальном смысле, во всяком случае) не имеет никакого определенного отражения на поверхности бытия, невольно начинает интересоваться своим Динг ан зих и тем самым становится против общественности на сторону “сущности”» [Там же, с. 344]. Таким образом, по Варшавскому, даже оказавшись вне истории, молодой эмигрантский человек участвовал «в последней трагической и безвыходной борьбе за человеческие души» между уничтожаемой сущностью и торжествующей общественностью, противостоял «машиноравному» человеку новейшего времени. В эсхатологическом зазоре между человеком, выброшенным из истории, и человеком, поглощенным историей и ставшим придатком тоталитарной государственной машины, Варшавский и его поколение видели не только трагическую данность, но некое этическое задание, требующее ответственного ответного решения.

Таким ответом на этико-онтологический провал времени стали несколько чисто *эмигрантских* по своему духу проектов, созданных в те же переломные 1930-е гг. — когда Варшавский заговорил о феноменологии «эмигрантского молодого человека». Среди многочисленных начинаний, сыгравших важнейшую роль в формировании взглядов молодой эмиграции, следует прежде всего назвать вслед за литературным журналом «Числа» (1930–1934) литературно-философский журнал «Новый Град» (1931–1939), созданный И. И. Фондаминским, Г. П. Фетовым и Ф. А. Степуном, и литературно-философское общество «Круг» (1935–1939), собрания которого проходили в парижской квартире того же Ильи Бунакова-Фондаминского (130, Avenue de Versailles). Новаторские

⁵ Другой взгляд на параллель между молодым поколением русской эмиграции и молодым поколением Советской России представлен в работах: [Бронникова; Литовская, Матвеева; Матвеева, 2008; 2016; Проксурина; и др.].

проекты 1930-х гг.⁶ были созданы на волне эмигрантского модернизма — переосмысления позиций зарубежной России, ее предназначения в мировой истории и культуре. Смена приоритетов, когда вместо меморизации прошлого русское зарубежье обратилось к настоящему, в сущности, означала самоопределение «эмигрантского народа». Самопрезентация русского рассеяния не как осколка исчезнувшей цивилизации, а как неотъемлемой части становящейся реальности в полной мере нашла отражение на страницах «Нового Града». При этом русское зарубежье в новоградской доктрине занимало позиции не просто полноправного участника исторического процесса, но действенной альтернативы и переживающему кризис Западу, и проходящей через социальные потрясения России. «Для нас, похоронивших отечество, мысль об апокалипсисе культуры, — говорилось во вступительной статье от редакции к первому номеру журнала, — будящая столько отзвуков в русской душе, особенно искусительна. Она может быть источником мстительного и бессильного удовлетворения. Не поддаваться ей! Быть с теми, кто готов бороться, готов странствовать — не в пустыню, а к новому Граду, который должен быть построен нашими руками, из старых камней, но по новым зодческим планам» [От редакции НГ].

Таким образом, новоградский активизм не только претендовал на актуальную современность, но и выстраивал модель будущего. Журнал взял на себя роль своеобразного медиатора между «старым» и «новым», между русской философской традицией и русским духовным ренессансом, между старшим, средним и младшим поколениями русской эмиграции, между русским зарубежьем и Западом и одновременно между двумя расколовшимися частями России. Во многом ту же задачу, но по-своему пытались решить «Числа» и «Круг». Не удивительно, что в контексте этих новейших проектов *молодой эмигрантский человек*, «устраненный из истории и выброшенный из движения социальной жизни» [Варшавский, 2016, с. 343], вновь обретал почву [см. об этом: Киселева]. Знаменательно замечание Варшавского: «...новоградцы стремились не к восстановлению средневекового мирозерцания, аскетизма и отрешенности от мира, а к основанной на христианстве идее общественной реформы» [Варшавский, 2010, с. 232]. Строительство нового Града понималось основателями и авторами журнала весьма широко: как сложный симбиоз различных пореволюционных теорий преобразования России, как глубинное единство либерально-демократических и христианских идей, научно-социального прогресса и «хозяйственного очеловечивания» мира, как возрождение «ордина русской интеллигенции» и утверждение ценности отдельной личности. В целом это был уникальный сплав деятельного христианского преображения мира и христианского персонализма.

В предвоенные 1930-е гг. новоградский активизм, вставший на защиту «внутреннего человека», оказался неравной по силам, но дерзновенной альтернативой

⁶ К этому списку можно отнести различные более кратковременные эдиционные начинания 1930-х гг. в Париже («Утверждения», 1931–1932; «Встречи», 1934; «Третья Россия», 1932–1939; и т. д.).

очередному витку кризиса гуманизма. Не удивительно, что многие молодые новгородцы и участники «Круга» в скором будущем стали героями Резистанса, а сам Фондаминский, пройдя мученический путь узника немецкого концлагеря Освенцим, был причислен к лику святых.

Владимир Варшавский разделил со многими новгородцами ту же философию поступка. Когда Франция вступила в войну, он пошел во Французскую армию добровольцем, т. е. не по призыву военного времени, а по призыву сердца. В мае 1940 г., во время боя за Булонскую цитадель, Варшавский остался последним на линии огня и отстреливался до последнего боеприпаса. После падения цитадели был взят в плен и провел пять долгих лет в немецком лагере для военнопленных. Участие в войне стало поворотным в судьбе писателя [см. об этом: Васильева, 2016]. Пережитое не только не сломило его, напротив, военный опыт помог ему ощутить причастность к бытию и преодолеть извечное чувство эмигрантской отверженности: «В первый раз в жизни я делал что-то, признаваемое всеми нужным и важным, — пишет он в автобиографическом романе “Ожидание”, — в первый раз у меня было место в человеческом обществе, и я не испытывал моего всегдашнего страха, что я живу не так, как все. Наоборот, у меня было теперь спокойное чувство укрепленности моей жизни в чем-то достоверном и прочном» [Варшавский, 2016, с. 130]. Если же использовать терминологию М. М. Бахтина, для писателя Варшавского участие в боях стало «местом активного исхождения в мире» [Бахтин, с. 53].

Несмотря на кратковременное участие Варшавского в «Новом Граде», где он стал сотрудничать только с 1936 г. и опубликовался всего в двух номерах (одна статья, две рецензии [Варшавский, 1936; 1938а; 1938б]), дальнейшую судьбу писателя в немалой степени стоит рассматривать именно через новгородский контекст и опыт. Показательна в этом плане вышедшая после войны книга «Незамеченное поколение», в которой автор систематизировал социальное и философское наследие молодой русской эмиграции, завершив исследование главами «Новый Град» и «Погибшие за идею». Тем самым предложенный Варшавским критический обзор эпохи в ее множественных проявлениях, поисках и противоречиях обретал глубоко личностную новгородскую парадигму с финальной точкой преображения, или «восхождения»⁷, поколения (сопротивление нацизму во Второй мировой войне).

Писатель формулировал «новгородский метод» во многих статьях, рецензиях и эссе. Прежде всего он видел его как «синтез двух основных, долго казавшихся противоположными друг другу тенденций “русской идеи”». В самом главном — это вера, что существует общечеловеческое дело, которое должно быть совершено в этом мире и должно этот мир преобразить... Но это также и утверждение абсолютной, не зависящей от его общественных отношений, ценности каждого человека, призванного иметь жизнь вечную по ту сторону всех времен»

⁷ О «лестнице восхождения личности» Варшавский писал, в частности, своему другу, писателю Василию Яновскому [см. об этом: Васильева, 2010, с. 417–418].

[Варшавский, 2016, с. 509]. Говоря об истоках этого «синтеза», он замечал в статье «“Чевенгур” и “Новый Град”», что «у новоградцев было два учителя: В. Соловьев и Н. Фёдоров» [Там же, с. 420]. Однако генезис «Нового Града» в суммарной рецепции Варшавского куда сложнее и шире. Это целая цепь новаторских синтезов, воссоединяющих полемичные направления в истории идей: от «примирения “ордена” с православной церковью» [Там же, с. 522], предпринятого будущими новоградцами еще задолго до революции, — до попытки преодолеть главный водораздел русской национальной идеи: «...“Новый Град” оставял позади вековой междоусобный спор двух враждующих лагерей русской интеллигенции — западнического, в самом широком смысле, и славянофильского, в самом широком смысле. В развитии русской идеи это был важный шаг вперед» [Варшавский, 2010, с. 233]. Новоградский метод «создания нового целостного миросозерцания» [Степун, 1932, с. 10] путем не жестких идейных конструкций, а глубинного синтеза разных опытов русской мысли был воспринят Варшавским и в той или иной степени освоен в его творчестве — автобиографической прозе, статьях, эссе и рецензиях.

Через новоградское миросозерцание и личный новоградский опыт писателя стоит рассматривать и его знаковую встречу с творчеством Александра Солженицына. Событием, равным перевороту, стало для Варшавского появление в печати «Архипелага ГУЛаг». «Великое исследование Солженицына» («Уроки Нюрнбергского процесса», 1975) [Варшавский, 2016, с. 388] играло для него роль такого же связующего звена в этико-онтологическом зоре времени, какую в межвоенные годы исполнил новоградский проект. К «Архипелагу ГУЛаг» писатель обращался неоднократно в программных статьях «У нас коммунизм будет другой» (1974), «Уроки Нюрнбергского процесса» (1975), «Открытое общество и тоталитаризм» (1975), «“Чевенгур” и “Новый Град”» (1976), «Апология либеральной демократии» (1976), «Татарское иго и Великий Инквизитор» (1977) и т. д., в многочисленных передачах на «Радио Свобода» 1970-х гг.

Метод новоградского «синтеза» помог Варшавскому занять самостоятельную творческую позицию по отношению к многолетней острой полемике, развернувшейся в 1970-е гг. между Андреем Сахаровым и Александром Солженицыным. Условно спор двух мыслителей берет начало с меморандума А. Д. Сахарова «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе» (1968), опубликованного впервые в амстердамской газете «Het Parool» [Sacharow], а затем в «New York Times», эмигрантском «Новом русском слове» и многих других периодических изданиях. Очередным витком дискуссии стало программное «Письмо вождям Советского Союза» Александра Солженицына, написанное в августе 1973 г. в Рождестве-на-Истье; переданное в ЦК КПСС, оставшееся без реакции «сверху» и опубликованное в итоге в парижском издательстве «УМСА-Press» (1974). Оба выступления произвели эффект взорвавшейся бомбы, получили на Западе огромный резонанс в том числе и на «Радио Свобода», где работал Владимир Варшавский. Будучи независимыми друг от друга, тексты Сахарова и Солженицына перекрестно затрагивали одни и те

же «больные» вопросы, порожденные XX в. и противостоянием двух систем (свобода и право, сбережение природных ресурсов и перспективы научно-технического прогресса, кризис отношений СССР с Западом и Востоком (Китай), внешняя военная угроза и внутринациональные интересы страны, и т. д.), но давали на них диаметрально противоположные ответы. Последующие выступления Сахарова «О письме Александра Солженицына “Вождям Советского Союза”» (1974) и ответные солженицынские «Сахаров и критика “Письма вождям”» (1974), сборник «Из-под глыб» (1974), нобелевская лекция Сахарова «Мир, прогресс, права человека» (1975), подчеркнуто отсылающая своим названием к декларации 1968 г., — прочные звенья одной цепи. Из ключевых в этом идейном размежевании можно назвать понятие «конвергенция». Сахаровская программа постепенного сближения двух систем путем либерального преобразования вызвала скептическую реакцию у Солженицына: «...не “конвергенция” ждет нас с западным миром, но — полное обновление и перестройка и Запада, и Востока, потому что оба в тупике» [Солженицын, 1974а, с. 19].

Владимир Варшавский на многие вопросы, поднятые в этом публицистическом споре, смотрел сквозь призму того же новоградского метода, т. е. глубинного «синтеза» (или «конвергенции»). В том же 1974 г. на страницах газеты «Русская мысль» появилась его статья «К спорам о письме». Призывая не противопоставлять Солженицына и Сахарова, автор статьи в новоградском духе стремился воссоединить (синтезировать) две альтернативы, осознавая их колоссальное значение для будущего России: «В последнем, самом главном счете, они служат одному и тому же делу» [Варшавский, 1974]. Однако, выступив в защиту просветительства и прогресса, писатель оставался верен своим либеральным убеждениям и в большей степени разделял позицию Сахарова. «Как в оранжевом цвете “заложены” красный и желтый, так и в просветительстве было два начала: из одного вырос большевизм, из другого — либерально-демократическое государство, строй наименее плохой из всех известных в истории» [Там же]. Участие Варшавского в «споре о письме» интересно не только (и не столько) выбором «за» или «против», сколько попыткой вскрыть истоки антиномии и выйти за ее пределы. Он помещает выдвинутую Солженицыным программу преобразования России в многомерный историко-философский контекст: Николай Гоголь, Константин Леонтьев, Федор Достоевский, Николай Трубецкой, Петр Савицкий — вот, по мнению Варшавского, направление в русской истории идей, с которым глубинно связан охранительный пафос солженицынского мировоззрения. Наблюдение верное и весьма плодотворное для рецепции публицистических манифестов автора «Архипелага ГУЛаг». По Варшавскому, прогрессивный либерализм Сахарова и великорусский традиционализм Солженицына прочно уходили корнями в полемическую традицию русской мысли — «вековой междоусобный спор двух враждующих лагерей русской интеллигенции — западнического... и славянофильского». Для автора «Незамеченного поколения» это был возврат к идейному водоразделу, который пытался в межвоенные годы преодолеть «Новый Град».

Более откровенно о своем восприятии доктрины Солженицына Варшавский высказался в письме к другу семьи протоиерею Кириллу Фотиеву: «Я всегда верил, никогда не сомневался, что в России начнется религиозное возрождение. Как свидетель начала такого возрождения сборник “Из-под глыб” меня оправдывал. Но одновременно и глубокое разочарование. Я думал, что религиозное возрождение пойдет по пути, намеченному “Новым Градом”, вместо этого оно пошло по пути повторения пройденного и пройденному, как мы знаем, не совсем благополучно: ненависть к прогрессу Леонтьева, “Дневник писателя”, эмигрантские разговоры 20-х–30-х годов вплоть до злосчастной, заимствованной евразийцами у немецкого романтизма идее “нации-личности”. <...> Еще больше меня пугает другое: в христианстве больше призывов к жертве, чем к милости, больше обличений, чем терпимости. <...> Между тем я полностью согласен с его идеями отказа от насильственной революции и проповедью нравственной революции. Но зачем обязательно связывать эту проповедь с призывами спорными и сомнительными: стабильная экономика, уход в Сибирь, огульным осуждением прогресса, возрождения и просветительства <...>. В Цюрихе он два раза сказал: общественные преобразования ни к чему не приведут, пока люди не станут хорошими. По-моему, как раз наоборот: общественные образования как раз нужны, пока люди не стали хорошими, когда же люди станут хорошими, никаких преобразований не нужно будет: наступит Царство Божие на земле. Но это спор в том же роде, как спор кто чему предшествует: курица яйцу или яйцо курице. <...> По-прежнему продолжаю верить в появление сознания близкого новгородскому» [ДРЗ, ф. 291]⁸.

Судя по той же переписке с Фотиевым, Варшавский добровольно вышел из дальнейшего обсуждения на страницах «Русской мысли» спора между Сахаровым и Солженицыным: «Зинаида Шаховская предложила мне написать о сборнике “Из-под глыб”. Я отказался. Во-первых, не хочется спорить с людьми, которые не могут ответить и которые страдают. Во-вторых, я придаю огромное значение “Архипелагу ГУЛаг” и не хотел бы моей критикой “Из-под глыб” хотя бы косвенно что-то подорвать в том впечатлении, которое “Архипелаг” произвел в мире» [Там же]. Из письма следует, что если бы такую рецензию Варшавский написал, то неминуемо примкнул бы к числу критиков сборника. Для него Солженицын был и оставался прежде всего великим автором «Архипелага ГУЛаг». В другом письме к Фотиеву от 23 февраля 1975 г. он напишет: «Россия, думаю, и все человечество будут гордиться Солженицыным, автором великой поэмы “Архипелаг ГУЛаг”, этой Божественной комедии нашего века» [Там же].

По этому эпистолярному можно сделать вывод о последовательном расхождении взглядов автора «Незамеченного поколения» с тезисами солженицынской публицистики. Между тем рецепция Варшавского не линейна и значительно усложнена методом «синтеза... противоположных друг другу тенденций “русской идеи”». Если смотреть на дальнейшее его творчество, то нельзя не признать

⁸ Письмо не датировано, по содержанию относится к концу 1974 г.

большого значения сборника «Из-под глыб» и прилегающих к нему текстов в создании последней книги Варшавского «Родословная большевизма», работу над которой писатель начал в середине 1970-х гг., но так и не успел завершить. Немалую роль в этой идейной «конвергенции» сыграли общие истоки журнала «Новый Град» и сборника «Из-под глыб». Речь идет о легендарном дореволюционном сборнике «Вехи» (1909), авторы которого (Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков) впоследствии стали печататься на страницах «Нового Града». В эмиграции веховский дискурс критического самоосмысления русской интеллигенции был продолжен не только непосредственными участниками проекта, но и его ближайшими единомышленниками, в том числе создателями «Нового Града» [см. об этом: Люкс, 2015а; 2015б]. Так, Георгий Федотов в ряде статей и эссе («Трагедия интеллигенции», 1926; «Правда побежденных», 1933; «Наша демократия», 1934; и т. д.) в духе «Вех» анализировал двойственную роль интеллигенции в российской истории. Во многом именно благодаря «Новому Граду» идеи «Вех» были заново переосмыслены в контексте новейшего эмигрантского опыта. Отсюда чисто веховская критика на страницах «Нового Града» сомнительных черт русской интеллигенции — ее нигилизма, беспочвенности, мечтательности, отсюда и новгородский призыв воссоздать на чужбине «духовный орден русской интеллигенции» [Бунаков, с. 37], но в абсолютно ином, обновленном качестве. «Стоящая перед нами задача гораздо сложнее той, что стояла в свое время перед радикальной русской интеллигенцией. Ее миссия заключалась в организации разрушения, наша — в возвращении творчества» [Степун, 1931, с. 20].

Возникший в брежневскую эпоху сборник «Из-под глыб» — уникальный пример возрождения русской мысли с той же «исторической оглядкой» [Солженицын, 1974б, с. 217] на «Вехи». Очевидно, что веховская парадигма была разделена историей на эмигрантскую и отечественную и наиболее ярко продолжена в двух своих изводах: в исканиях «Нового Града» и в публицистике «Из-под глыб». Сам Солженицын в статье «Образованщина» подчеркивал эту духовную преемственность: «“Вехи” и сегодня кажутся нам как бы присланными из будущего. И только то радует, что через 60 лет кажется утолщается в России слой, способный эту книгу поддержать. Сегодня мы читаем ее с двойственным ощущением: нам указываются язвы как будто не только минувшей исторической поры, но во многом — и сегодняшние наши» [Там же]. В наши дни сборник «Из-под глыб» производит впечатление такого же парадоксального временного скачка, «реставрации будущего», а многие утверждения его авторов поражают провидческими прозрениями и разящей злободневностью, как некогда размышления о судьбах интеллигенции и России в сборнике «Вехи».

В эмиграции, где беспочвенность и оторванность от корней, еще недавно вменяемые русской интеллигенции как мировоззренческий провал, стали обыденной эмпирической данностью, веховская закалка породила ответное действие — новгородский активизм, «конвергенцию» эмигрантских сил в строительстве нового Града, хождение в эмигрантский народ («И еще одно можем и должны мы сделать: идти в народ — эмигрантский народ» [Бунаков, с. 48])

и т. д. Иные пути преодоления того же провала между исторической реальностью и мировидением интеллигенции предлагал Александр Солженицын. На своей исторической родине духовная элита, по Солженицыну, претерпела необратимую трансформацию и, прибавив к унаследованным недостаткам целый список новоприобретенных качеств, выродилась в позднесоветскую «образованщину». В сборнике «Из-под глыб» он по-веховски последовательно и бесстрастно перечисляет и анализирует отличительные черты этого нового сообщества: отсутствие «сочувственного интереса к отечественной истории, чувства кровной связи с ней. <...> Преувеличенное чувство своих прав. Претензия, поза, ханжество постоянной “принципиальности” — прямолинейных отвлеченных суждений. Надменное противопоставление себя — “обывателям”. Духовное высокомерие» и т. д. [Солженицын, 1974б, с. 220–221], — и предлагает свой выход, как кажется, диаметрально противоположный новоградскому диалогическому пафосу — охранительную идею возвращения к истокам, возрождения русского национального самосознания, укрепления исторической памяти и «национального эгоизма». Однако именно на этом пути преодоления «духовного высокомерия» по отношению к своему историческому прошлому, «комплекса национальной неполноценности» («Татарское иго и его Великий Инквизитор») [Варшавский, 2016, с. 451] мы находим точки пересечения общественной мысли Варшавского с публицистикой сборника «Из-под глыб». Заочный диалог происходит еще в статье Варшавского «О расизме», которая появится за несколько месяцев до выхода в свет сборника «Из-под глыб». Сам по себе факт предожуждения писателем ряда тем, заявленных московскими авторами, — знаменателен и достоин отдельного изучения. Именно в эти годы Варшавский становится одним из наиболее последовательных защитников русской истории от обвинений в генетической предрасположенности к большевизму, красному террору и тоталитарному репрессивному государству. «Якобинцы и большевики люди одной веры. Эта вера с ее беспощадной моралью и обетованием революционного апокалипсиса пришла в Россию с Запада. “Допустим, но русские ее исказили”. Нет, в самом главном, в самом страшном она не меняется в зависимости от обстоятельств места и времени. Так что и без татарского ига, опричнины, охранки и Ткачёва диктатура коммунистов была бы такой же. Думать, что Советский Союз все та же царская Россия, только фасад перекрасили, — вредное и очень опасное заблуждение. Это разные исторические явления, разного порядка, разного происхождения. Нежелание Запада это видеть может привести к трагическим и непоправимым последствиям», — заявит он в статье «Родословная большевизма» [Там же, с. 433].

1970-е годы были отмечены вновь вспыхнувшей полемикой вокруг родословной коммунизма. Идеюному размежеванию способствовал выход в свет собрания статей авторов самиздата под общим условным заголовком «Метанойя» в парижском «Вестнике РСХД» (1970, № 97), а затем книг Тибора Самуели «Русская традиция» (1974) и Ричарда Пайпса «Россия при старом режиме» (1974). Многими читателями эти издания были восприняты как преемники

книги Н. А. Бердяева «Истоки и смысл русского коммунизма» (1937) с ее центральным тезисом, что большевизм — продолжение православного мессианизма. Между тем в новой интерпретации бердяевская концепция получила иную идейную проекцию: ответственность за коммунизм возлагалась полностью на Россию, а истоки самого явления искались исключительно в российском прошлом — в средневековой Московии.

Другой точки зрения придерживался Солженицын и в статье «Раскаяние и самоограничение» сборника «Из-под глыб» выступил с жесткой критикой сомнительных историсофских построений авторов «Метанойи» [см. об этом: Холмогоров]. «Конечно, побеждая на русской почве, как движению не увлечь русских сил, не приобрести русских черт! Но и вспомним же интернациональные силы революции! Все первые годы революции разве не было черт как бы иностранного нашествия? <...> Как же разрушена, перековержена и затемнена русская история XX века, если не знающие ее такие самоуверенные могут являться к нам судьи! Своим равнодушием мы рискуем дожить, что вообще провалятся в небытие 50–100 лет русской истории, и никто уже ничего достоверного о них не установит — будет поздно. Группа статей в № 97 — не случайность. Это, может быть, замысел: нашей беспомощностью воспользоваться и вывернуть новейшую русскую историю — *нас* же, русских, *одних* обвинить и в собственных бедах, и в бедах тех, кто поначалу нас мучил, и в бедах едва ли не всей планеты сегодня», — провидчески замечал он [Солженицын, 1974в, с. 35].

Именно эту точку зрения разделял и отстаивал Владимир Варшавский, выступив, в свою очередь, оппонентом идей Самуели и Пайпса, утверждавших, что истоки коммунизма коренятся в «особой варварской русской революционной традиции» [Варшавский, 2016, с. 423]. Цикл его эссе 1970-х гг., вылившийся в книгу «Родословная большевизма» (1982), — вклад в спор о России, об истоках революции 1917 г., в которых он вслед за Александром Солженицыным последовательно распознавал западный генетический код. «Большевицкая революция была в сущности продолжением якобинской, новым эпицентром, новым приливом всеевропейской мессианской революции, которая подымалась уже в Средние века в движениях эгалитарного хилиазма, бурлила в апокалипсических сектах, игравших такую роль в английской революции, и впервые восторжествовала с диктатурой якобинцев», — замечал он в эссе «Татарское иго и его Великий Инквизитор» [Там же, с. 450]. Он же отметит решающую роль Солженицына в исправлении кривизны современной историографии: «После выхода первого тома “Архипелага ГУЛАг” Солженицына и некоторых других исследований, стало больше невозможно сомневаться: сталинская модель социализма в главном сложилась уже при Ленине. <...> зачаток Архипелага ГУЛАг в марксизме, а не в русской истории» [Там же, с. 423].

Во вступительной статье к изданной посмертно книге «Родословная большевизма» (1982) выдающийся богослов Александр Шмеман пишет об авторе: «Из многочисленных эмигрантских партий, течений, группировок... ближе всего, действительно “по душе” ему была группа, объединившаяся вокруг журнала

“Новый Град” и стремившаяся к преодолению, хотя бы теоретическому, исторического разрыва между христианским исканием града “неотмирного” <...> и, христианством же порожденной, жадной нового земного града, в котором “правда живет”. <...> В это в России родившееся, в недрах русской культуры возвращенное, пророчество Варшавский верил никогда не дрогнувшей верой. Отсюда — его ужас, его возмущение, когда, уже под конец его жизни, столкнулся он с той хулой на Россию, что сначала змеиным шепотом, а затем уже во весь голос стала распространяться по миру. <...> И вот, ужаснувшись этой хулы, этой неправды о России, Варшавский встал на защиту России путем раскрытия подлинной родословной большевизма. И сделал он это с тем же мужеством, с которым в июне 1940 г. он, рядовой разгромленной французской армии, почти в одиночку, на протяжении нескольких дней, в обреченной крепости сдерживал мощный натиск немцев» [Шмеман, с. 2–3]. Логическая связь столь разных событий в жизни Варшавского выстроена Шмеманом со свойственной ему глубокой философской интуицией. Перед нами новоградская концепция личности с ее метафизикой патриотизма, христианского персонализма и веры в общее дело. Этот ряд в контексте работы Варшавского над последней книгой, безусловно, имеет свое продолжение: новый виток в жизни писателя «посередине века» и знаковая встреча с творчеством Александра Солженицына.

Источники

- Бунаков И.* Пути освобождения // Новый Град. 1931. № 1. С. 31–48.
- Варшавский В.* О происхождении и «общественном положении» человека // Новый Град. 1936. № 11. С. 127–130.
- Варшавский В.* «Третья Россия» // Новый Град. 1938а. № 13. С. 175–179.
- Варшавский В.* «Дневник безработного интеллигента» // Новый Град. 1938б. № 13. С. 179–183.
- Варшавский В.* К спорам о письме // Рус. мысль. № 30008. 18.07.1974.
- Варшавский В. С.* Незамеченное поколение / сост., коммент. О. А. Коростелева, М. А. Васильевой. М. : Дом рус. зарубежья им. А. Солженицына : Рус. путь, 2010.
- Варшавский В. С.* Ожидание : проза, эссе, литературная критика / сост., подгот. текста и коммент. Т. Н. Красавченко, М. А. Васильевой. М. : Дом рус. зарубежья им. А. Солженицына : Книжница, 2016.
- ДРЗ — Архив Дома русского зарубежья им. А. Солженицына. Ф. 291.
[От редакции НГ] // Новый Град. 1931. № 1. С. 4–5.
- Солженицын А.* Письмо вождям Советского Союза. Paris : YMCA-Press, 1974а.
- Солженицын А.* Образованщина // Из-под глыб. Париж : YMCA-Press, 1974б. С. 217–260.
- Солженицын А.* Раскаяние и самоограничение // Из-под глыб. Париж : YMCA-Press, 1974в. С. 115–150.
- Степун Ф.* Пути творческой революции // Новый Град. 1931. № 1. С. 8–20.
- Степун Ф.* О человеке «Нового Града» // Новый Град. 1932. № 3. С. 6–20.
- Шмеман А., прот.* Об авторе // Варшавский В. С. Родословная большевизма. Париж : YMCA-Press, 1982. С. 1–3.
- Frossard A.* Dieu existe, je l’ai rencontré. Paris : A. Fayard, 1969.
- Sacharow A.* Hartekreet van enn Russisch geleerde // Het Parool. № 6. 13.07.1968.

Исследования

Бахтин М. М. К философии поступка // Бахтин М. М. Работы 1920-х годов. Киев : NEXT, 1994. С. 11–68.

Бронникова Е. В. «Вечер у Клэр» Г. Газданова и «Чевенгур» А. Платонова: опыт стилового сопоставления : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2010.

Васильева М. А. О Владимире Сергеевиче Варшавском // Варшавский В. С. Незамеченное поколение / сост., коммент. О. А. Коростелева, М. А. Васильевой. М. : Дом рус. зарубежья им. А. Солженицына : Рус. путь, 2010. С. 405–424.

Васильева М. А. Категория места в эмигрантском сознании: пример Владимира Варшавского // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2 : Гуманитар. науки. 2016. Т. 18. № 4 (157). С. 8–25. <https://doi.org/10.15826/izv2.2016.18.4.062>

Киселева М. С. Проект человека «Нового града». Ф. А. Степун и В. С. Варшавский // Вопр. философии. 2018. № 6. С. 144–154.

Литовская М. А., Матвеева Ю. В. Незамеченный контекст незамеченного поколения: Г. Газданов и А. Гайдар // Гайто Газданов и «незамеченное поколение»: писатель на пересечении традиций и культур / сост. Т. Н. Красавченко, М. А. Васильева, Ф. Х. Хадонова. М. : ИНИОН РАН, 2005. С. 103–129.

Люкс Л. Георгий Федотов о характере русской революции и о европейском кризисе первой половины XX в. // Вопр. философии. 2015а. № 1. С. 61–73.

Люкс Л. Соблазны утопизма: споры мыслителей «первой» русской эмиграции о причинах и последствиях тоталитарных революций XX века. Eichstätt : Katholische Universität Eichstätt-Ingolstadt, 2015б.

Матвеева Ю. В. Самосознание поколения в творчестве писателей-младоземigrants. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2008.

Матвеева Ю. В. Поколение, прошедшее «одуконь»: литературное наследие Г. А. Андреева (Хомякова) в контексте творческих судеб «молодых» писателей первой волны русской эмиграции // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2 : Гуманитар. науки. 2016. Т. 18. № 4 (157). С. 87–102. <https://doi.org/10.15826/izv2.2016.18.4.067>

Проскурина Е. Н. Мотив *недожитой жизни* как знаковый элемент в поколенческой драме революционной эпохи (на примере жизни и творчества А. Платонова) // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2 : Гуманитар. науки. 2016. Т. 18. № 4 (157). С. 68–86. <https://doi.org/10.15826/izv2.2016.18.4.066>

Холмогоров Е. С. Поминки по полупросвещению. «Вехи», «Из-под глыб» и идеология Солженицына // Тетради по консерватизму. 2017. № 4. С. 45–64.

References

Bakhtin, M. M. (1994). K filosofii postupka [Toward a Philosophy of the Act]. In M. M. Bakhtin, *Raboty 1920-h godov* [Works of the 1920s] (pp. 11–68). Kiev: NEXT. (In Russian)

Bronnikova, E. V. (2010) “*Vecher u Kler*” G. Gazdanova i “*Chevengur*” A. Platonova: opyt stilevogo sopostavleniya [Gazdanov’s *An Evening with Claire* and A. Platonov’s *Chevengur*: An Attempt at Style Comparison] (doctoral dissertation abstract). Chelyabinsk. (In Russian)

Kholmogorov, E. S. (2017). Pominki po poluprosveshcheniyu. “Vekhi”, “Iz-pod glyb” i ideologiya Solzhenitsyna [Commemoration of Semi-enlightenment. *Vekhi*, *From under the Rubble* and Solzhenitsyn’s Ideology]. *Tetrady po konservatizmu*, 4, 45–64. (In Russian)

Kiseleva, M. S. (2018). Proekt cheloveka “Novogo grada”. F. A. Stepun i V. S. Varshavsky [The Project of Man of *Novy Grad*. F. A. Stepun and V. S. Varshavsky]. *Voprosy filosofii*, 6, 144–154. (In Russian)

Litovskaya, M. A., & Matveeva, Yu. V. (2005). Nezamechennyj kontekst nezamechenogo pokoleniya: G. Gazdanov i A. Gajdar [The Unnoticed Context of an Unnoticed Generation: G. Gazdanov and A. Gaidar]. In T. N. Krasavchenko, M. A. Vasilyeva, & F. Kh. Khadonova (Eds.), *Gajto*

Gazdanov i "nezamechennoe pokolenie": pisatel' na peresechenii traditsij i kul'tur [Gayto Gazdanov and the "Unnoticed Generation": The Writer at the Crossroads of Traditions and Cultures] (pp. 103–129). Moscow: INION RAN. (In Russian)

Lux, L. (2015a). Georgy Fedotov o haraktere russskoj revolyucii i o evropejskom krizise pervoj poloviny XX v. [Georgy Fedotov about the Nature of the Russian Revolution and about the European Crisis of the First Half of the 20th Century]. *Voprosy filosofii*, 1, 61–73. (In Russian)

Lux, L. (2015b). *Soblazny utopizma: spory myslitelej "pervoj" russskoj ehmigracii o prichinah i posledstviyah totalitarnyh revolyucij XX veka* [Temptations of Utopianism: Disputes of Thinkers of the "First" Russian Emigration on the Reasons and Consequences of Totalitarian Revolutions of the 20th Century]. Eichstätt: Katholische Universität Eichstätt-Ingolstadt. (In Russian)

Matveeva, Yu. V. (2008). *Samosoznanie pokoleniya v tvorcestve pisatelej-mladoehmigrantov* [The Consciousness of Generation in the Works of Young Émigré Writers]. Yekaterinburg: Ural University Press. (In Russian)

Matveeva, Yu. V. (2016). Pokolenie, proshedshee "odvukon": literaturnoe nasledie G. A. Andreeva (Homyakova) v kontekste tvorcheskih sudeb "molodyh" pisatelej pervoj volny russskoj ehmigracii [A Generation Gone "Odvukon": Literary Heritage of G. Andreev (Khomyakov) in the Context of the Creative Fate of the "Young" Writers of the First Wave of Russian Emigration]. *Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2: Humanities and Arts*, 18, 4 (157), 87–102. <https://doi.org/10.15826/izv2.2016.18.4.067> (In Russian)

Proskurina, E. N. (2016). Motiv nezozhitoj zhizni kak znakovyj ehlement v pokolencheskoj drame revolyucionnoj ehpoehi (na primere zhizni i tvorcestva A. Platonova) [The Motif of an "Underlived Life" as an Emblematic Element in the Generational Drama of the Revolutionary Era (with Reference to A. Platonov's Life and Creative Work)]. *Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2: Humanities and Arts*, 18, 4 (157), 68–86. <https://doi.org/10.15826/izv2.2016.18.4.066> (In Russian)

Vasilyeva, M. A. (2010). O Vladimire Sergeeviche Varshavskom [About Vladimir Varshavsky]. In V. S. Varshavsky, *Nezamechennoe pokolenie* [Unnoticed Generation] (pp. 405–424). Moscow: Aleksandr Solzhenitsyn Centre for Studies of Russia Abroad: Russkij put'. (In Russian)

Vasilyeva, M. A. (2016). Kategoriya mesta v ehmigraatskom soznanii: primer Vladimira Varshavskogo [The Category of Place in Émigré Consciousness: With Reference to Vladimir Varshavsky]. *Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2: Humanities and Arts*, 18, 4 (157), 8–25. <https://doi.org/10.15826/izv2.2016.18.4.062> (In Russian)

Васильева Мария Анатольевна

кандидат филологических наук, ученый секретарь

Дом русского зарубежья

им. А. Солженицына

109240, Москва, ул. Нижняя Радищевская, 2

E-mail: marijvasil@mail.ru

Vasilyeva, Maria Anatolyevna

PhD (Philology), Academic Secretary

Aleksandr Solzhenitsyn House of Russia Abroad

2, Nizhnyaya Radishchevskaya Str.,

109240 Moscow, Russia

Email: marijvasil@mail.ru